

связей с другими личностными характеристиками становится меньше.

3. Динамика креативности и её связей с личностными характеристиками отражает принцип системной дифференциации.

4. В наибольшей степени креативность в юношеском возрасте связана с такими личностными особенностями, как доверчивость и самодостаточность.

В нашей работе нашли подтверждение некоторые факты, выявленные в аналогичных исследованиях, проведённых на других возрастных группах. Вместе с тем, получен ряд противоречивых данных, которые требуют дальнейшего, более детального осмысления.

Е.И. Виноградова, Н.С. Минаева

К ПРОБЛЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОСТРАНСТВА АУДИТОРИЙ ДЛЯ СТУДЕНТОВ

Сегодня существует и активно развивается несколько последних десятилетий такая область психологии, как «психология среды». Она изучает психологические аспекты взаимоотношения человека со средой. Среда органически включена в жизнедеятельность человека и служит важнейшим фактором регуляции поведения. С любыми компонентами экосистемы индивид связан и через процессы приспособления к ней, и вместе с тем - через процессы ее преобразования. Степень зависимости человека от среды весьма различна как в физическом, так и в психологическом смысле. Поэтому от того, как сформирован образ среды в сознании, во многом зависит тип поведения человека. Взаимовоздействие человека и окружающей среды является особенно актуальным в связи с изменениями как в самом обществе, так и в окружающей действительности. Потому история изучения данного вопроса и проведенные по нему исследования представляют большую теоретическую и практическую ценность для выявления дальнейшего пути развития отношений «человек – среда».

В зарубежной литературе можно выделить несколько направлений в области психологии среды: первое занимается изучением городского пространства, второе направление связано с исследованием интерьеров, третье касается выявления наиболее адекватных способов трансформации пространства.

В направлении, посвященном изучению влияния экстерьера и интерьера отдельных зданий на физическое здоровье и психологический комфорт человека, было проведено достаточно много интересных исследований и введено специфических терминов такими мастерами в данной сфере, как Р.Соммер, Ф.Стилл. Так, Роберт Соммер, в своих работах описывает так называемую «грубую архитектуру». Под ней он понимает здания, построенные в конце 1960-х годов, которые отвечают строго их функциональному назначению и практически не учитывают потребности людей, пребывающих в них. Другими словами, данная архитектура не несет отпечаток человека, она агуманистична. Данное понятие важно в связи с тем, что за последние десятилетия построено как за рубежом, так и в России множество зданий, попадающих под данное определение, а потому необходимо понимание того, какое воздействие они оказывают на людей.

Фред Стилл в своих трудах развивает идею о «гибком пространстве», которое может быть изменено в соответствии с изменяющимися потребностями людей. Также он вводит понятие «застывшее пространство», то есть пространство, которое выполняет единственную функцию и чаще всего не учитывает изменяющиеся потребности человека в нем. Часто такое «окостенение» пространства происходит потому, что люди просто привыкли к определенным известным паттернам использования пространства и не способны отказаться от них, по мнению автора. В некоторых случаях жесткость пространства заложена изначально. По мнению Ф. Стилла, в США в 1980-е годы самым «негибким, застывшим пространством» были учебные классы в университетах.

Мы предполагаем, что большинство аудиторий российских вузов также являются яркими примерами «застывших пространств» и «грубой архитектуры». Потому необходимо обратить внимание на то, какое воздействие оказывает «грубая», «застывшая» архитектура учебных комнат на сам процесс обучения и его различные аспекты.

В многочисленных экспериментах Р.Соммера была показана связь между особенностью архитектуры класса, организации его пространства и степенью коммуникацией в нем как между студентами, так и между студентами и преподавателем. Данный аспект процесса обучения, по мнению исследователя, является важным показателем успешности обучения. Чем больше

двусторонней коммуникации в пределах темы предмета, тем лучше он познается и усваивается.

Основные проблемы «грубой архитектуры» учебных помещений проистекают из нескольких причин. 1. Огромного, на 50 и более человек, размера классов, 2. Традиционно принятого прямого расположения рядов парт студентов и расположенного перед ними места преподавателя за кафедрой. 3. Игнорирования потребности человека в персонализации пространства. 4. «Серости декора» учебных аудиторий.

По мнению зарубежных авторов, первые две причины приводят к снижению заинтересованности студентов в предметах, так как лишают возможности непосредственного обсуждения интересующих их вопросов во время лекций, снижают возможность активности во время семинаров. Это подтвердили проведенные в университетах США Р.Соммером исследования, показавшие, что в маленьких классах, с количеством человек от 6 до 20, продолжительность бесед между студентами, а также студентами и преподавателем в среднем была 5,8 минут, в сравнении с 2,4 и 2,6 минутах в классах соответственно от 21 до 50 человек и в классах с более чем 50 студентами. Статистический анализ показывает значительную разницу между маленькими классами и большими классами. При этом во всех случаях примерно семь различных студентов принимали участие в разнообразных обсуждениях во время занятий. В средних и больших классах основой для бесед чаще всего становилась просьба повторить или пояснить со стороны тех, кто прослушал преподавателя, сидя на задних партах. В маленьких же классах – это были мини-дискуссии по теме предмета. Хотя разница между большими и маленькими классами высока, необходимо заметить, что даже в маленьких классах общее число всех разговоров составляло только 12% от всего часа занятия. Также по данным этих исследований, общее время, и пропорциональность участников различных обсуждений были гораздо выше в лабораториях – классах, где студент, выполняя свою практическую работу, не привязан к определенному месту в передвижениях. Взаимодействие «преподаватель-студент» длилось более 12 из 50 минут занятий в лабораториях, что составляет 24 % времени, в сравнении с 12% времени в обычных классах. Другими словами, лабораторные занятия были более эффективны для повышения заинтересованности студентов в предмете, и как следствие, улучшения всего уровня

знаний. Тогда, как нам кажется, можно предположить, что увеличение числа практических занятий в лабораториях может быть одним из средств улучшения качества самого образования. Однако, надо заметить, что в российских вузах лабораторные занятия не так широко распространены, как в США. Кроме того, описания студенческих лабораторий в США, особенно по их технической оснащенности, резко расходятся с тем, что мы можем видеть в наших университетах.

Исследователи во главе с Р.Соммером также провели ряд экспериментов по выявлению связи между размещением оборудования в аудитории и активностью студентов. Экспериментаторы изменяли традиционное рядовое расположение сидений в аудиториях в круговое и подковообразное и видели, что активность студентов во время занятий в таких классах была выше, чем в традиционных. Однако изменение привычной обстановки вызывало беспокойство и было встречено сопротивлением, выражающимся в том, что студенты, видя перестановку стульев и парт по кругу, своевольно меняли их расположение на старое. Потому был сделан вывод, что сначала необходимо проводить сложную разъяснительную работу со студентами и преподавателями о возможной перестановке, прежде чем вносить изменения, которые в дальнейшем могут положительно сказаться на учебном процессе.

Кроме того, как показали эксперименты, прямоугольное рядовое расположение парт, а значит их разноудаленность от преподавателя, порождает дифференциацию в степени участия студентов в работе. Наибольшая активность была характерна для студентов, сидящих впереди и центре аудитории. За проявления участия и увеличение включения студента в работу принимались в исследованиях учащающиеся контакты глазами студентов с преподавателями. Данные оценки студентами функциональности позиции места сидения позволяют предположить, что они выбирают парты для себя в зависимости от осознанной степени заинтересованности. Большие классы позволяют студентам сохранять анонимность. Позиция близости от преподавателя обязывает уделять ему больше внимания. Те же студенты, что сидят на задних рядах, уже не испытывают необходимости сидеть прямо и внимать преподавателю. Расстановка мест сидения кругом и подковой снимает данные проблемы.

Третья причина «грубой архитектуры», безусловно, существует не только в США, но и в России. Чтобы человек чувствовал себя более комфортно в определенной среде, он должен реализовывать в ней потребность в персонализации его пространства. Данная проблема широко обсуждается в зарубежной литературе при рассмотрении офисов и других рабочих мест. На наш взгляд, учитывая то, что 70% студентов, по опросам Р.Соммера, сидят все лекции на одних и тех же местах, а время обучения длится годами, она также важна и в вопросе формирования учебной среды, и имеет два аспекта.

Во-первых, разграничение территории. Территория – это пространство человека, которое ощущается как «свое» его владельцем и защищается от вторжения в него. Человеку необходимо четко, пусть даже в некой символической форме, например, с помощью поставленной на парту сумки, отметить границы своей территории. Этот процесс крайне важен, учитывая также то, что интимная зона, являющаяся самой главной, рассматриваемая, как личная собственность, в которую позволено вторгаться только самым близким, всего 0-45 см. Вторжение в нее, если оно было совершено посторонним, расценивается как враждебный акт, в ответ на который происходят физиологические изменения у человека: учащается сердцебиение, в кровь выбрасывается адреналин, кровь приливает к мозгу, а мускулы напрягаются в бессознательной попытке отразить нападение. Личная же зона, которая оптимальна для общения, от 46 до 122 см. Однако, чаще парты стоят так, что студенты невольно вторгаются в интимные зоны друг друга и, естественно, чтобы предотвратить случайное проникновение, нередко приходится усиливать границу.

Во-вторых, даже наметив как-то границы, человеку необходимо их зафиксировать на срок больший, чем продолжительность одного занятия. Кроме того, у человека существует потребность в индивидуализации «частного» пространства, то есть выделении его среди остальных, точно таких же стандартных, серых. Не удивительно, что попытки зафиксировать свою территорию и индивидуализировать как-то пространство нередко выражаются в «улучшении» вида парт рисунками, подписями.

Проблема типичности, «серости» и стандартности аудиторий является также насущной для вузов России. Стены, покрытые серо-голубоватой или светло-коричневатой краской, зеленая доска,

линолеум на полу, парты двадцатилетней давности, наверное, типичная картина для большинства российских государственных вузов, совпадающая при этом с описанием аудиторий США Р.Соммером. Отсутствие картин, цветов или любого другого, не столь уж и дорогого декора в аудиториях является важной проблемой, на которую, однако, не все хотят обращать внимание. Вопрос о привлекательности учебного места, осознание его своим – это не риторический вопрос, а насущный для тех, кто проводит в данной среде более шести часов в день. Как пишет Р.Соммер, «я не вижу необходимости даже доказывать, что в приятном, красочном офисе люди более аккуратны, остаются более здоровыми и делают свою работу лучше, чем в неопрятном, типичном, сером». Точно также можно предположить, что в красивом пространстве студенты будут лучше учиться.

Проблемы «грубой архитектуры» и «застывшего пространства» аудиторий, как мы только что увидели, очень актуальны сегодня для вузов России и США. Учитывая, что вклад среды при прочих равных условиях в процесс обучения довольно высок, на наш взгляд, необходимо провести лонгитюдные исследования для выявления более тонких особенностей связи интерьера аудитории и эффективности обучения. Однако уже сейчас представляется нужным использовать на практике результаты ранее проведенных исследований: проектировать будущие и стараться трансформировать уже существующие аудитории таким образом, чтобы повышать активность студентов за счет кругового расположения оборудования и увеличения лабораторных занятий; так, чтобы студент мог реализовать потребность в персонализации пространства; и так, чтобы аудитории не были «серы» и похожи друг на друга. Необходимо также пытаться усовершенствовать традиционный подход, помня, что наиболее сильный эффект «грубой» архитектуры заключается в том, что люди привыкают к ней и не хотят вносить в нее изменения.